

Самоидентификация

Общаясь с коллегами-тренерами, я обратил внимание на то, что многие не различают эффект и результат тренинга. Заказчики — тем более: для большинства из них знания, умения и навыки исчерпывают предел мечтаний и ожиданий. Не упрощая, а скорее заостряя проблему различения, расскажу о «событии» во внутреннем пространстве людей, которое я стараюсь произвести во время своей работы: тренинга ли, консультации ли, разговора по душам. **Михаил Пронин**

Виртусы и виртуозы

Мы с Николаем Александровичем Носовым — создателем и первым руководителем Центра виртуалистики Института человека РАН¹ — неоднократно обсуждали одну «вечную тему» — вопрос подготовки специалистов, профессионалов высшей квалификации. На этот вопрос у меня кое-какие ответы были — наблюдения или случаи из моей практики.

Вопрос профессионализации нами ставился просто: как становятся специалистом? Ответ «С вручением диплома!» нас не устраивал. К слову, в латыни есть слово *virtus*, которое в переводе означает особое состояние силы, доблести и мужества у воина в бою, или добродетель. Отсюда и термин «виртуоз» — человек, преодолевший технические сложности овладения профессией (знания, умения и навыки).

При окончании Военно-медицинской академии и подготовке к службе мне было интересно, как люди завоевывают авторитет в части, у коллег, пациентов и т.д. и т.п. Когда появлялась возможность, я задавал вопросы на волнующие меня темы старшим товарищам.

Как правило, в ответ слышал «Ну, ты, Михаил, и вопросы задаешь!» или беспспорное классическое утверждение «Только у постели больного можно стать врачом!». Получая подобные ответы, каждый раз я раздражался: «Это понятно. Но как? Как это происходит?» И лишь «собственноручно» пережив случай самоидентификации в качестве врача, я стал интересоваться «правильным образом». Когда коллеги понимали, о чем идет речь, начинался разговор, что называется, по душам...

Как становятся врачом: суметь порвать матросские трусы

Олег (настоящее его имя другое), окончив в один год со мной Военно-медицинскую академию, факультет подготовки врачей не для военно-воздушных сил (как я), а для военно-морского флота, соответственно, «попал» служить на атомную подводную лодку. Встретился я с ним лишь спустя 5 лет после выпуска. Слово за слово, что да как, какие успехи... Задал я и ему интересующий меня вопрос, как становятся врачом? В ответ возникло традиционное недоумение и обычный биографический рассказ.

— Михаил, ты историю мою знаешь. Чего спрашиваешь? Родители развелись. Жил сначала с отцом, потом с матерью. Мама моя, как была, так и сейчас — заведующая детским садом. Зарплата

все та же. На что меня учить? Куда идти? Только в военные — на гособеспечение. Но не хотелось. Осталось только — «невоенные» военные: юристы, финансисты и врачи...

— Ну, это не профессия, сам понимаешь. Ни первое, ни второе, — продолжил он, — меня не прельщало. В роду у меня была бабушка-знахарка, биологию любил... так и попал в Военно-медицинскую академию. Вот так и стал врачом. Но выслушав меня, он встрепенулся и, засмеявшись, сказал:

— А-ааа, Миш, так ты об этом! Такое у меня тоже было! Представь, подводная лодка. Это уже моя третья автоном-

¹ Ныне, после закрытия в 2005 году Института человека РАН, — Исследовательская группа «Виртуалистика» Института философии РАН: www.virtuallistika.ru

ВЫСОКИЙ СТАНДАРТ

ка, морского ветра я уже попробовал, втянулся, адаптировался. Все нормально, служба идет, скоро можно будет поступать в академию на факультет переподготовки или в ординатуру. Я лежу в медпункте, больных нет, размышляю, куда поступать, как, отпустят ли. Тут вдруг стук в дверь каюты... — выдержал он паузу.

— Открываю дверь — передо мной матрос. Говорит: «Доктор...» и падает замертво. Знаешь такой звук специфический, когда человека падает без сознания, то череп при ударе об пол издает такой специфический звук?

— Конечно, слышал — народ в строю на плацу не раз падал, — отвечаю ему.

— Ну, вот, стою я... и у меня первая мысль — врача! — сказал он и застыл в растерянности, демонстрируя то самое свое состояние.

Я засмеялся...

— Чего смеешься? Сам помнишь, — продолжил он, — в академии же мы привыкли: чуть что серьезное — к преподавателю, к более опытному коллеге. И вдруг... осознаю, аж в пот бросило, что я в подводной лодке, на глубине 100 метров, под водой уже два месяца... и врач — это я! Стою, матрос передо мной лежит на палубе...

— Как живой, — шучу я.

— Хуже! Землистого цвета и не дышит. И тут вдруг я увидел аудиторию военно-морской госпитальной хирургии, на кафедре стоит профессор, и я слышу его голос, как твой сейчас: «Больного нужно смотреть от пяток до кончика макушки!» — говорит он и поднимает указательный палец вверх. Его голос гулко разносится по аудитории...

— Профессор сказал — надо делать!

— Смейся, смейся, Михаил. Мне-то было не до смеха. Беру этого матроса, заношу в медпункт, кладу на кушетку. А он как мешок, нет человека. Начинаю раздевать. Лежит он передо мной в одних синих сатиновых трусах, не дышит. Смотрю на трусы, на матроса такого же цвета и слышу голос профессора, его наказ «смотреть всего!...». Рву эти трусы и, не поверишь, матрос сразу приходит в себя, открывает глаза, спрашивает: «Где я... Что случилось?». Я ему отвечаю:

«Лежи, лежи!». А сам готовлю капельницу, как Юрий Шанин на патофизиологии учил: пятипроцентную глюкозу.

— Так, а что было-то?

— Да непонятно, матрос третьего года службы, здоров и прочее. Осмотрел я его, ничего не нашел. Подержал его пять дней, чтобы отоспался. В итоге все обошлось. Но вот тогда-то я и осознал, что врач — это я!..

Дело было у Олега в гостях, я попросил его принести казенные сатиновые темно синие трусы и попробовать их порвать. Он с интересом вскочил, подбежал к чемодану и попытался повторить «подвиг». Не получилось.

Как становятся врачом: спасти заведующего от Ванечки с ножичком

С Ириной, назову ее так, я познакомился буквально недавно на одной из тренерских конференций. Рассказывая о том, чем занимается Центр виртуальности, я затронул проблему событий во внутреннем пространстве человека, и когда Ирина попросила объяснить, что это такое, то я задал ей вопрос: «А как ты стала врачом?».

— Да как! Я всегда хотела быть врачом с детства. У меня и сомнений не было, кем быть... Поступила в «первый мед»: куда еще коренной ленинградке поступать?

Любые мои «попытки» что-либо уточнить, как это сказать, обычным, «формальным» способом, что я делал, как вы понимаете, намеренно, скатывались на стандартно-биографические ответы до тех пор, пока я не рассказал ей историю Олега, которую вы только что прочитали.

Кстати, оказалось, что сын Ирины как раз сейчас учится в Военно-медицинской академии на «морском» факультете.

— А-аа, было у меня это! — воскликнула она.

Ирина преобразилась и начала рассказывать.

— Я окончила институт, прошла специализацию по психиатрии и работала уже год ординатором в больнице. Сажу я как-то у себя в уголке после обеда, это отдельная комната ординаторов, коллеги ушли, сестры истории больных разобрали, никого нет и не будет в ближайшее время, никто не зайдет. Сажу, и вдруг заходит Ванечка — наш давнишний больной. Сам он

жил при больнице, работал на кухне, а как обострение — так к нам... Мы его так и звали: «наш Ванечка». Только недавно наш Ванечка выписался. Заходит, а в руках у него такой кухонный но-жичек, — показывает она руками, разводя их на ширину своих плеч.

— Пряма такой?

— Миш, не обманываю... Такой!

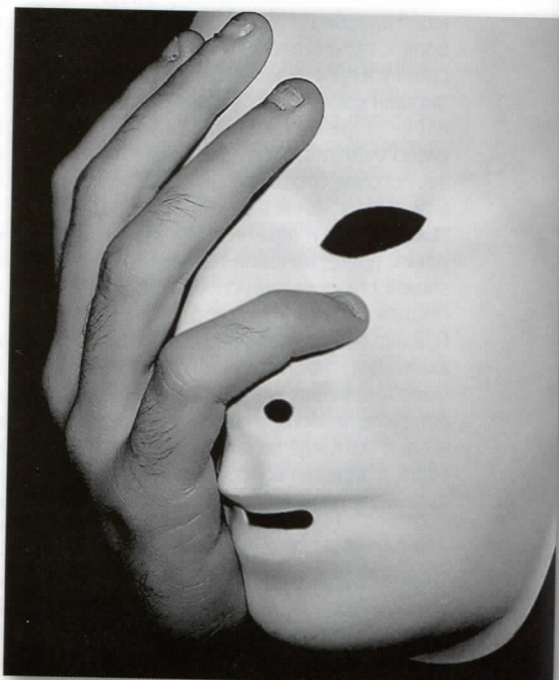
...

— Ты думаешь, Миша, как в кино показывают, что в психиатрических клиниках везде всякие кнопочки: позвонил — сразу все прибегут? Нету, Миша, никаких кнопочек! Понимаешь? И никто не прибежит! Все ушли! Делать им здесь до самого вечера нечего.

— Можешь не рассказывать мне про кнопочки, сам медбратом в психиатрии год подрабатывал. Ну-ну?..

— Заходит наш Ванечка и спрашивает: «А

Когда участники тренинга переживают когнитивный диссонанс, как вы думаете, что с ними происходит?

где Семен Андреевич?». Это про нашего заведующего отделением.

– Нет его, — отвечаю. — Отошел. Зачем он тебе?

– Да убить его хочу!

Т-аа-к, думаю...

– А ты чего здесь делаешь? — спрашивает Ванечка.

– Да его жду. Садись, вместе ждать будем.

Ванечка садится, смотрит на меня и говорит: «Ты меня не бойся! Ты баба хорошая, хоть и молодая, я тебя не трону!»

– Хорошие перспективы, — встречаю я в рассказ Ирины с улыбкой.

– Тебе хаханьки, а мне было не до шуток! Вот больной, а я врач, и мне с ним надо что-то делать. Вот тот самый случай! И я начинаю с ним разговаривать, а он сидит, ножичек так в руках вертит. Большой такой ножичек. Около часа я с ним проговорила, может больше, наконец, он нож из рук выпустил и положил на стол. А я сижу, разговариваю с ним, внимание его отвлекаю, перевожу на другое, и так незаметно ящичек стола перед собой выдвигаю, выдвигаю

потихонечку. Потом-таки взяла нож, положила его в стол и ящик зарыла, — показывает, как навалилась на ящик. — И дальше с ним разговариваю...

– И чем все закончилось?

– Да отвела его в отделение...

– А заведующему рассказала?

– Конечно!

– И что он тебе сказал? Похвалил хоть?

– Жизнь ты, говорит, мою спасла, Ира! Вот так, Миша, я стала врачом.

От комментариев рассказа Ирины воздержусь. Просто задам вопрос: «А как, коллега, вы стали тренером?»

ПРИРОДА ВИРТУАЛА

Вообще, человек, когда понимает, о чем идет речь, и если начинает рассказывать, то меняется: молодеет, воодушевляется, т.к. заново переживает произошедшее. Многие, как показывает моя практика, первоначально такие события сами не осознают и произвольно, осознанно рассказать их не могут. Большинство же даже такие события не фиксируют. Причин на то несколько. Прежде всего, природа виртуального психологического события, или виртуала, специфическая: у него есть такие свойства, как непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность и объективность (или объективированность). Эти четыре признака характеризуют виртуал с внешней точки зрения, т.е. с точки зрения «внешнего наблюдателя», который слушает человека, попавшего в такое состояние. Разберем признаки поподробнее.

Непривыкаемость. Сколько бы раз данное событие ни возникало, каждый раз оно переживается как необычное и непривычное. Иными словами, сколько бы такое состояние ни возникало, к нему не вырабатывается привыкание, каждый раз оно переживается как новое и необычное. Для примера — сон, вдохновение и пр.

Спонтанность. В своих описаниях никому не удастся точно зафиксировать момент возникновения данного события. Нет временной границы довиртуального и виртуального режима, как, впрочем, и нет грани виртуального и послевиртуального режима. Всегда

идет речь о себе уже в новом режиме. Виртуал возникает неожиданно и ненамеренно, процесс не контролируется сознанием и не зависит от воли (намерений и желаний) человека. Другими словами, переход из консуетала — так в виртуальной психологии называется обыденное состояние человека — в виртуал и обратно не фиксируется человеком: он либо «здесь», либо уже «там». Возможно, пример с оргазмом поможет понять, о чем идет речь. Или пример того, как человек расстраивается: вы были в нормальном состоянии и вдруг... вы уже расстроены. Понимаю, что есть продвинутые читатели и коллеги, у которых все «под контролем». Но все-таки, думаю, не стоит лукавить.

Фрагментарность. У человека, находящегося в виртуале, появляется ощущение какой-то отделенности частей его тела от него самого (в таком случае обычно говорят, что руки не слушаются или же, наоборот, руки все делают сами). Поскольку виртуал есть отражение лишь данной текущей деятельности, индивид описывает не всего себя целиком (например, «я испугался», «я обрадовался» и т.п.), а лишь те части самого себя, которые участвуют в выполнении данного акта («жар в голове», «руки опережают мысль» и т.п.), хотя само переживание захватывает человека целиком.

Конечно, многие подумают, что это что-то из психиатрии. К сожалению или к счастью, виртуальные состояния, согласно исследованиям Н.А. Носова, встречаются постоянно в работе 28 из 30 летчиков-испытателей. Когда участники тренинга переживают когнитивный диссонанс, как вы думаете, что с ними происходит?

Объективированность. О чем бы человек ни говорил: об изменениях деятельности, наплыве чувств, затемнении сознания и т.п. — он говорит о себе не как об активном начале, от которого исходят эти события, мысли, действия, а как об объекте, которого охватывают мысли, переживания, действия. Рассказ идет о том, что происходит с человеком, о том, чему он оказывается подвластным. (Иными словами, человек рассказывает о себе в объективированных терминах).² Как следствие таковых качеств виртуалов, затруднено и их описание. Опять же мною замечено, что многие руководители и состоявшиеся профессионалы, касаясь это спорта или бизнеса высоких достижений, или, проще говоря, «людей опасной профессии», в отличие от представителей «офисной интеллигенции», — такие события в своей жизни фиксируют. Более того, они очень любят, как теперь можно сказать, «сторителлинг» именно такого характера и содержания...

² Есть еще и субъективные признаки попадания в виртуальную психологическую реальность — с точки зрения самого человека. Об этом желающие могут узнать из работы: Носов Н.А. Психологическая виртуальная реальность // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000, или на сайте: www.virtuallistika.ru

ВЫСОКИЙ СТАНДАРТ

Как перестают быть врачом: семейный фашист

Краткий обзор феноменов о том, как становятся профессионалом, врачом в частности, будет неполным, если мы не приведем историю непризнания человека в качестве профессионала.

— Виктор, вы не врач, вы — фашист! — сказал мне мой тесть. — Извините, Витя, что я вам это говорю, но я все видел. Я за вами специально наблюдал, когда вы все делали. У вас ни один мускул на лице не дрогнул! — начал рассказывать один из моих коллег, назову его Виктор. — У меня родилась дочь, и жил я после ее рождения у тестя с тещей. Как часто бывает с новорожденными, у дочки возникли проблемы со стулом. Массаж животика, всякие легкие слабительные чаи не помогли. Девочка плакала, плохо ела, не спала. Вся семья и родственники, естественно, переживали. Врач-педиатр, осмотрев дочь, рекомендовал сделать ей клизму. На его вопрос, справимся ли сами, семья дружно ответила, что в доме есть свой врач!

Купив и подготовив все необходимое, я приступил к процедуре. Сначала семья обступила нас с дочкой, а когда я уже все приготовил, отступила и замерла в ожидании.

Ребенок лежит на пеленке. Я начинаю делать клизму. Сразу же раздается оглушительный крик девочки. Вслед за ней мама и бабушка, что стоят справа от меня, начинают реветь в голос. Тесть бледнеет, подходит слева ближе ко мне, вижу это краем глаза, и начинает пристально, буквально в упор, смотреть то на меня, то на ребенка. Женщины

уже кричат, что хватит, хватит, мол, лучше не надо, что, может, и так все обойдется. Злюсь, конечно, на тестя, которому интересно, что я испытываю, когда дочери делаю больно. Жалко дочь, себя жалко — понимаю, как выгляжу в глазах семьи, но дело делаю... Закончил, вздохнул с облегчением. Ребенок благополучно сходил «по-большому», после этого с аппетитом поел и спокойно уснул. Женщины, бегая, кормя, укладывая спать, продолжали плакать, жалели дочку, но уже радостно. Тесть ушел переживать в свою комнату. Сели ужинать. Я устало взял вилку, что-то стал есть, представляя с горькой иронией картину художника Верещагина «Клизма»... И в этот момент тесть-то мне и говорит: «Виктор, вы не врач, вы — фашист!».

Да-а-а, думаю, дожил... Жена с тещей с испугом взглянули на меня. Вижу по их глазам: точно — фашист!

Сию я, ковыряю себе вилочкой в своей тарелочке, чувства такие, что хоть смейся, хоть плачь. Понимаю, что ситуацию надо обрабатывать. Откуда-то появляется злоба, начинаю говорить на повышенных тонах: «Вы что, думаете, мне не жалко? Ну, тогда бы надо было вызывать медсестру из поликлиники, а не делать мне самому все и вам не говорить, чтобы я делал!». Что говорил, не помню. Хотелось, конечно, обложить всех — еле сдержался. Родственников вроде проняло, то ли от моих слов, то ли от водки, что тесть принес. Вот так я на своей собственной шкуре понял, почему врачи считают, что родственников лучше не лечить.

Что я могу добавить к рассказу Виктора? Сам как тренер попадаю иногда в такие ситуации.

Как-то одна из участниц очередного тренинга призналась. «Перед тем, как ехать на тренинг, посмотрела ваше фото в интернете».

— И чего? — переспросил я.

— Сразу поняла, что фашист!

— Так зачем приезжали?

— Да почувствовала, что лучше приехать, чем на работе и по жизни мучиться...

— Жалеете, что приехали?

— Нет, хвалю себя за смелость!

Что можно к этой истории добавить?

Действительно, часто очень трудно просто делать свое дело.

Мертвая зона

Спросите: а где же про тренинги?

Отвечу. Моя работа во время тренинга с событиями, или «эффектами», описана и опубликована четыре года назад.³ Свою историю о том, как я стал тренером, я не раз уже рассказывал. Если кому-то интересно, готов рассказать еще не один раз. Мои вопросы заказчику о том, какое событие они ждут на тренинге, чаще всего, вызывают недоумение. Хотя сессирования на то, что народ уже настолько обучен, что дальше некуда, да ничего с людьми не происходит, и они не меняются, — продолжают иметь место. Что должно произойти с человеком, чтобы его знания, умения и навыки «ожили» или «зажили», — до сих пор мертвая зона во всех обсуждениях результатов обучения. Собственно, событие во внутреннем пространстве — это, на мой взгляд, не результат, а эффект от обучения. Он либо есть, либо его нет.

Какие события мы как тренеры продаем?

Сегодня одни из самых востребованных тренингов — тренинги продаж. Общаясь с коллегами — выдающимися тренерами-«продажниками», я так и не услышал ни одной истории о том, как человек стал продавцом.

Как вы знаете, развитие начинается с преодоления барьера «наблюдения»: замечаешь ли, видишь или нет. Статья как раз об этом: я просто хотел еще раз обратить ваше внимание...

Большого эффекта от статьи не жду.

Как известно, есть люди, которые сами видят, есть люди, которые видят, когда им показывают, и есть такие, что не видят, даже когда им показывают. С первыми готов поговорить по душам, вторым — помочь, а третьим приношу свои извинения за то, что отнял у вас время и ничего не смог для вас сделать.

Поговорить с автором по душам: virtus@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №07-06-12029

³ Балбес, броненосец, консультант... // Журнал «ИнтерТренинг». № 2. 2002, или www.cursus.ru

